

Игорь Шестков "Иерусалим в феврале"

Никакой красоты я в холодном февральском Иерусалиме не заметил. Хотя вид на город с Масличной горы и замечателен. Но тут действуют не виды, не ландшафты, а целиком вся сумасшедшая топография этого места... Или топология... Странные возвышения, разделенные не долинами, не ущельями и не пересохшими потоками несуществующей воды, а провалами, разрывами в ткани бытия. Разрывами-кедронами, усеянными могилами и камнями.

География навязывает образ мыслей, вертикальность скальных стен предопределяет иерархичность мышления. Иерусалимский ландшафт развивается не по горизонтали, а по вертикали и завершается косыми зигзагами. Географии следуют и крепостные стены старого города и стихи пророка Исайи. Масличная гора наваливается на город. Старое кладбище убегает в небеса. А

мертвецы ползут сквозь землю к Храмовой Горе, увенчанной по милости иорданского короля золотым шлемом.

Всюду камни. В трещинах, выбоинах. Разъеденные временем как кислотой. Камни, из которых Он грозил сделать новый народ Израиля. Кровоточащие иудейские камни. Камни, в которых геология по своей драматичности перегоняет историю народа.

На эту историю тут приготовлены ответы – выстроены жилые кварталы, похожие на средневековые изображения Вавилонской башни, кварталы, окруженные стенами.

На стенах – фонари, видеокамеры, колючая проволока. Засадил евреи себя сами в спальные концентрационные лагеря. И воют у Главной стены, ожидая, когда пустят газ. И им останется только небо для бегства.

Не город, а укрепрайоны, доты, дзоты...

Иерусалимским камнем мощные Вавилонские Башни с выходами прямо к Престолам Всевышнего.

Стены, решетки, заграждения. Пещеры, гроты, ворота, коридоры, подземные ходы, лестницы, турникеты. Вооруженные солдаты ходят. Смотрят презрительно – знаем, мол, турист. Приперся на нас смотреть. А у нас – служба. Нет прохода! Что? Когда откроют проход? После второго пришествия вашего гаврика с нимбом. Вали, чего встал... Камеру спрячь. Фотографировать запрещено. Линяй, пока тихо...

Узкие проходы для людей. Широкие – для автомобилей, которые управляются так, словно они упрямые ослы. Сказывается восточная надменность – я еду в машине, значит я выше и важнее пешехода, которого можно поэтому и испугать и обрызгать грязью.

Все шоферы спешат куда-то. Спешат так, как будто от их прибытия зависят судьбы мира.

Евреи-пешеходы тоже все время спешат – бегут, бегут. Танцуют, взмывают в небо, приземляются как фигуристы на льду после «двойного тулупа». Суетятся. Странной, торопливой побегожкой бегут туда... Потом быстро – обратно. Потом опять туда... Бесконечно долго что-то обсуждают по телефону. Жестикулируют,

хотя собеседник их не видит. Жестикулируют для прохожих. Для себя. Для Бога. В походке и в «побежке» еврея отпечаталась его ужасная история. Его заячья в ней роль.

Его невращения, его страх, его тысячелетняя усталость. Его ставшее против воли таким декоративным сознание. Шизофренически расщепленное сознание, вобравшее в себя бесконечные катастрофы, измотанное пустынями, пророчествами, ожиданиями, войнами, изгнаниями, истреблениями, погромами, щербатыми камнями на безводном пути.

Еврей не идет, а бежит, подскакивает – ловит манну, замечает следы, взлетает – прямо в небо к Творцу в руки, кривляется как паралитик, озирается – проверяет, далеко ли фараоновы всадники. Подрыгивает, взмывает, а потом, приземлившись, косолапит пыхтя. Тяжело затанцует свой «юдентанц».

Еврей – не пария и не парвеню, а мистический кролик, проводник по каббалическому Зазеркалью – по Торе – метаисторической стране скотоводов. Еврея не любят соседи. Иногда его терпели, но чаще гнали, обдирали и жарили. Его сознание патологически расщеплено. По вертикали, как колонна на входе в Храм Гроба. Он вечно настороже. Он не верит времени. Не верит стенам. Не верит развитию. Он слишком стар для новой жизни. В глубине подсознания он давно уже хочет умереть, успокоиться. Он жертва, ищущая палача. И кажется, наконец, палача обретшая.

Весь мир для еврея – антисемит. Давно объявленную войну новой эпохи, войну «всех против всех» он принимает по старинке за войну «всех против евреев».

Еврей не понимает или не хочет понять очевидное – мир к нему равнодушен, его духовная роль – дело в глазах современного человека пустое.

Еврею пора остановить бег, успокоиться, пора привыкнуть не прятаться в Торе, а твердо встать двумя ногами на собственной земле, и пойти по ней спокойно, с достоинством. Не как мечущийся богоизбранец, не как распираемый ложной гордостью в своем черном маскараде ортодокс, а как думающий о выгоде хозяин, как филистимлянин – араб – палестинец.

Арабов я вижу чаще чем евреев, потому что араб себя не стесняется как еврей, а наоборот – манифестирует. И очень навязчиво.

Липнет, если чувствует, что можно выдрать деньги. После разговора с тобой плюет в

сторону. Мол, замарался о нечисть. Тьфу!

Араб ходит по Иерусалиму спокойно, не горбится, не танцует, он полон деловитого достоинства. Он ждет. Ждет своего часа. Он знает – это его земля. А евреи – это временно. Открылось пространство в мировом континууме, расступились волны песчаного океана, выстроилось нелепое еврейское государство. Но пройдет время и сомкнутся волны и прольется в который уже раз кровь... И жить будем по-старому, как всегда жили и даже некоторым пейзажам жизнь сохраним, чтобы было кого в будущем обдирать и жарить... Я видел, как молодые ребята-арабы демонстративно мочатся на еврейских могилах. Слышал, как они орут по ночам в самом центре Иерусалима – «мы перережем всем вам глотки когда придет наша власть» (еврей, хозяин маленькой гостиницы, перевел мне с арабского, стесняясь и краснея). Арабские мальчики кидали в меня и мою спутницу камни прямо на Храмовой Горе – это была месть за то, что мы не купили у них открытки.

Поведение араба по отношению к не мусульманину – это или раболепство с целью выдирания из него денег или прямая агрессия, ненависть. Очень последовательно и понятно. А еврей отвечает на это заячьим миротворчеством, заборами, торгами, демократией, вспышками гнева, молитвами, зашоренной, только еврейской проблематикой интересующейся мыслью.

В этом противостоянии непонятно только одно – почему Израиль все еще существует?

Хотя так вопрос ставить можно только слепой. Не желающий признавать очевидную историческую реальность. На самом деле, нет тут никакого Израиля. Иерусалим был и остается арабским городом, сколько бы евреи не строили в нем больших и малых бетонированных гетто.

Потому что главный дух этих мест – Храмовая гора в руках у арабов. Жертва Авраама не совершается и соответственно не принимается. Происходит отказ от Соглашения. Богу становится все равно – и Аврам режет собственного сына как овцу. Проливает родную кровь просто так. Как это и до него делали бесчисленные поколения язычников.

Евреи духовно ослабли. Начетничество, бесконечное чтение Торы и Талмуда, религиозный костюмный маскарад в сочетании с самовлюбленностью и ложным

чувством национальной исключительности привели к потере наивного и честного религиозного духа древности. Если бы евреи действительно верили в своего Бога – они бы никогда не отдали арабам Храмовой горы. А поступили бы культурно варварски, а религиозно честно и последовательно – срыли бы бульдозерами всю кафельную красоту и построили бы Третий Храм, не дожидаясь Мессии, не тратя время на интерпретации Талмуда, в простоте сердца – так же как первые кибуцники сажали в пустыне сады и огороды. Этого не произошло, потому что не религиозным евреям все равно, а у религиозных вместо прямой веры за две тысячи лет рассеяния сложился сложнейший конгломерат мудрости и самообмана, бессильный в решительные моменты, призванный оправдать иудейскую дряхлость и кроличью роль жертвы. Мне скажут – евреи боялись, что все мусульмане мира объединились бы и уничтожили Израиль в ответ на построение Третьего Храма. Так может говорить только неверующий в Бога человек. Да, может быть, было бы и так (хотя я в это не верю – покричали бы, погромели бы оружием и все бы потихоньку позабыли). Но это было бы «честно» по отношению к Богу и собственной истории. И Иерусалим стал бы тогда еврейским городом. А так он был и остается – мусульманским, сколько бы евреи в нем не строили. Все это в будущем останется арабам.

Смешно – евреи плачут у стены, вместо того чтобы начать наверху строить. Пока будут у стены плакать, а для оправдания трусости и безверия придумывать хитроумные религиозные толкования – будет араб над евреем смеяться, да нож точить.

Араб был какое-то время запуган и помалкивал. А теперь, почуяв еврейское бессилие и потаенную сладостную тягу к самоуничтожению, он орет по ночам, мочится на еврейские могилы, постреливает по окраинам, провоцирует, выпускает по Израилю ракеты, взрывает еврейские автобусы и рестораны. Убивает евреев, потому что евреи дают себя убивать.